

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

ЭНЦИКЛОПЕДИИ
СЛОВАРИ
СПРАВОЧНИКИ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. М. ПРОХОРОВ (председатель), И. В. АБАШИДЗЕ, А. П. АЛЕКСАНДРОВ, В. А. АМБАРЦУМЯН, И. И. АРТЮБОВСКИЙ, А. В. АРЦИХОВСКИЙ, М. П. БАЗН, А. И. БАРАНОВ, Н. В. БАРАНОВ, Д. М. БЕРКОВИЧ, И. И. БОГОЛЮБОВ, П. У. БРОЕА, Ю. В. БРОМЛЕЙ, Б. Е. БЫХОВСКИЙ, Б. Э. БЫХОВСКИЙ, В. Х. ВАСИЛЕНКО, А. ВИНОГРАДОВ, В. В. ВОЛЬСКИЙ, В. М. ВУЛ, Б. Г. ГАФУРОВ, С. Р. ГЕРШБЕРГ, Г. Н. ГОЛКОВ, Я. С. ГРОСУЛ, В. П. ЕЛЮТИН, В. С. ЕМЕЛЬЯНОВ, Е. М. ЖУКОВ, М. В. ЗАХАРОВ, А. ИМШЕНЕЦКИЙ, Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ, М. И. КАБАЧНИК, О. И. КАЙДАЛОВА, С. КАЛЕСНИК, Г. А. КАРАБАЕВ, Б. М. КЕДРОВ, Г. В. КЕЛДЫШ, В. А. КИРИЛЛИН, И. КИУНЯНИЦ, Ф. В. КОНСТАНТИНОВ, М. И. КУЗНЕЦОВ, Б. В. КУКАРКИН, М. В. ЛАЗЗА, П. П. ЛОВАНОВ, Г. М. ДОЗА, Ю. Е. МАКСАРЕВ, П. А. МАРКОВ, А. И. МАРКУШЕВ, Ю. Ю. МАТУЛИС, М. Д. МИЛЛИОНЩИКОВ, И. А. МИХАЙЛОВ, И. М. МУМИНОВ, Г. НААН, Г. Д. ОБИЧКИН, [В. В. ПАРИН], Б. Е. ПАТОН, Я. В. ПЕЙВЕ, Ф. И. ПЕТРОВ, М. ПОЛЕВОЙ, М. А. ПРОКОФЬЕВ, Ю. В. ПРОХОРОВ, РАСУЛ РЗА, А. И. РЕВИН, И. Ф. ЕТОВЦЕВ, А. М. РУМЯНЦЕВ, Б. А. РЫБАКОВ, В. П. САМСОН, В. И. СМИРНОВ, А. А. СЛДАТОВ, В. Г. СОЛОДОВНИКОВ, В. Н. СТАРОВСКИЙ, А. А. СУРКОВ, М. Л. ТЕРЕНТЬЕВ, С. А. ТОКАРЕВ, В. А. ТРАПЕЗНИКОВ, А. Т. ТУМАНОВ, Е. К. ФЕДОРОВ, В. М. ХОСТОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. И. ЧЕРНИГОВСКИЙ, В. М. ЧХИКВАДЗЕ, [Л. С. ШАУМН], С. И. ЮТКЕВИЧ.

МОСКВА 1971

КРАТКАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
А. А. СУРКОВ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Х. Ш. АБДУСАМАТОВ, А. А. АНИКСТ, В. В. БОРИСЕНКО, И. С. БРАГИНСКИЙ, [В. В. ВИНОГРАДОВ], Н. М. ГРИБАЧЕВ, А. П. ГРИГУЛИС, МАМЕД АРИФ ДАДАШ-ЗАДЕ, А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ, А. Ф. ЕРМАКОВ (заместитель главного редактора), В. Д. ЖГЕНТИ, В. В. ЖДАНОВ (заместитель главного редактора), М. КАРАТАЕВ, А. КЕКИЛОВ, К. П. КОРСАКАС, В. Н. КУТЕЙЩИКОВА, А. А. ЛЕОНТЬЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ, А. П. ЛУПАН, Н. А. МАСУМИ, А. А. МИХАЙЛОВ, Т. Л. МОТЫЛЕВА, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Э. Я. СЫГЕЛЬ, Л. И. ТИМОФЕЕВ, А. ТОКОМБАЕВ, Э. С. ТОПЧЯН, Н. З. ШАМОТА

6

ПРИСКАЗКА — «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

РЕДАКТОРЫ-КОНСУЛЬТАНТЫ КРАТКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
И СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Редакторы-консультанты — доктор филологич. наук Х. Ш. АБДУСАМАТОВ (узб. лит-ра), доктор искусствоведения А. А. АНИКСТ (англ. и амер. лит-ры), доктор философских наук В. Ф. АСМУС (эстетика), чл.-корр. АН СССР П. Н. БЕРКОВ (рус. журналистика и лит-ра 18 в.), акад. АН БССР В. В. БОРИСЕНКО (белорус. лит-ра), чл.-корр. АН Тадж. ССР И. С. БРАГИНСКИЙ (тадж. и перс. лит-ры), акад. АН СССР В. В. ВИНОГРАДОВ (лингвистика), доктор филологич. наук М. Х. ГАЙНУЛЛИН (таг. лит-ра), канд. филологич. наук Е. Л. ГАЛЬПЕРИНА (лит-ры Африки), писатель, канд. филологич. наук А. П. ГРИГУЛИС (латыш. лит-ра), акад. АН Азерб. ССР Мамед Ариф ДАДАШ-ЗАДЕ (азерб. лит-ра), канд. филологич. наук А. Г. ДЕМЕТЬЕВ (рус. сов. лит-ра), доктор филологич. наук А. А. ЕЛИСТРАТОВА (англ. и амер. лит-ры), канд. филологич. наук В. Д. ЖЕНТИ (груз. лит-ра), М. И. ЗАНД (тадж. и перс. лит-ры), чл.-корр. АН Каз. ССР М. КАРАТАЕВ (казах. лит-ра), доктор филологич. наук А. КЕКЕЛОВ (турком. лит-ра), канд. филологич. наук Ю. А. КОЖЕВНИКОВ (рум. лит-ра), акад. АН Литов. ССР К. П. КОРСАКОВ (литов. лит-ра), канд. историч. наук В. Н. КУТЕВИЧ (лит-ры стран Лат. Америки), доктор филологич. наук А. А. ЛЕОНТЬЕВ (лингвистика и поэтика), акад. АН СССР Д. С. ЛИХАЧЕВ (др.-рус. лит-ра), писатель, акад. АН Молд. ССР А. П. ЛУПАН (молд. и рум. лит-ры), писатель, чл.-корр. АН Тадж. ССР Н. А. МАСУМИ (тадж. лит-ра), Н. И. МАУУЕВ (лит. библиография), доктор филологич. наук Т. Л. МОТЫЛЕВА (нем. и франц. лит-ры), канд. филологич. наук С. В. НИКОЛЬСКИЙ (слав. лит-ры), канд. филологич. наук Э. И. ПЛАВСКИЙ (исп., португ. лит-ры, лит-ры стран Лат. Америки), доктор историч. наук Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА (фольклор), доктор филологич. наук Б. И. ПУРИНОВ (зап.-европ. ср.-век. лит-ры), канд. филологич. наук И. С. РАБИНОВИЧ (ср.-век. и совр. исп. лит-ры), канд. филологич. наук Г. А. РЕМЕНИК (евр. лит-ра), канд. филологич. наук О. К. РОССИЯНОВ (венг. лит-ра), канд. филологич. наук Б. Ф. СТАХЕЕВ (слав. лит-ры), канд. филологич. наук Э. Я. СЫГЕЛЬ (эст. лит-ра), чл.-корр. АН СССР Л. И. ТИМОФЕЕВ (теория лит-ры), писатель, акад. АН Кирг. ССР А. ТОКОМБАЕВ (кирг. лит-ра), канд. филологич. наук Э. С. ТУПЧАН (арм. лит-ра), доктор филологич. наук И. М. ТРОНСКИЙ (антич. лит-ра), акад. АН УССР Н. З. ШАМОТА (укр. лит-ра).

Редакция литературы и языка. Руководство редакцией — В. В. ЖДАНОВ, канд. филологич. наук А. Ф. ЕРМАКОВ; научные редакторы — канд. филологич. наук А. А. БЕЛКИН, Л. Т. БЕЛУГИНА, Т. В. ВЕНЦЕЛЬ, канд. филологич. наук И. Е. ВЕРЦМАН, И. К. ГАЛКИНА, доктор филологич. наук Х. Г. КОР-ОГЛЫ, Л. С. ЛИТВИНОВА, канд. филологич. наук И. А. ПИТЛЯР, Н. П. РОЗИН, М. Н. ХИТРОВ; ст. редактор А. С. БАЖАКИНА; младшие редакторы — З. Н. БЛИНОВА, З. И. ГОРОХОВА, Л. Г. МКРТЧЯН.

Научно-контрольная редакция — канд. философских наук Л. Ф. ДЕНИСОВА, Ю. Н. КОРОТКОВ.

Литературно-контрольная редакция — А. Г. СУЧКОВА (зав. редакцией), Л. Д. МАКАРОВА, Т. М. ОРЛОВА, К. Г. ТРЕТЬЯКОВА.

Редакция библиографии — В. А. СТУЛОВ (зав. редакцией), З. С. ИЗМАЙЛОВА, Г. И. ЛАЧИННА, С. Р. МАЛКИНА, З. В. МИХАЙЛОВА, З. К. НИКОЛАЕВА.

Контрольная проверка дат — Г. М. ЛЕБЕДЕВА, С. В. БАЗИЛЕВИЧ, Ю. К. ЗАСС, Т. А. ЗАХАРОВА, А. С. ИГНАТОВА, Э. С. ЛАШИДУС, Н. И. ЛОЖКИНА, Г. В. ХОВРИНА.

Транскрипция и этимология — Н. П. ДАНИЛОВА, М. Д. ДРИНЕВИЧ, Л. Ф. РИФ, Р. М. СПИРИДОНОВА.

Словник — В. В. ТАБЕНСКИЙ, Э. Г. ХИТРОВА, Р. Б. ИВАННИКОВА.

Редакция иллюстраций — Г. В. СОБОЛЕВСКИЙ (зав. редакцией), художественный редактор — Л. И. СМЕРНОВА, подбор иллюстраций — К. А. ЗЕЛЕНИНА, М. К. МОРЕЙНИС.

Коррекционная — М. В. АКимова, Л. И. СОКОЛОВА.

Комплектование — Г. И. БОЧКИНА, Н. М. ПАЛАГУТА.

Технический редактор — С. Д. КОСТИ.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ КРАТКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

В связи с многочисленными пожеланиями читателей, а также рекомендациями ряда научных учреждений, Редакционная коллегия Краткой литературной энциклопедии и Научно-редакционный совет издательства «Советская Энциклопедия» приняли решение увеличить объем КЛЭ до 9 томов.

В последний том будут включены статьи, по разным причинам не вошедшие в предыдущие тома, а также именной указатель ко всему изданию.

Задаток, внесенный подписчиками, засчитывается при получении 9-го тома.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

абх. — абхазский
Абх. АССР — Абхазская АССР
авг. — август
австр. — австрийский
австрал. — австралийский
авт. — автономный
адж. — аджарский
Адж. АССР — Аджарская АССР
адм. — административный, адмирал
адмг. — адмгеевский
Адмг. АО — Адмгеевская автономная область
азерб. — азербайджанский
Азерб. ССР — Азербайджанская ССР
акад. — академик
акц. — акционерный
алб. — албанский
алж. — алжирский
алт. — алтайский
амер. — американский
АН — Академия наук
англ. — английский
антич. — античный
апр. — апрель
араб. — арабский
аргент. — аргентинский
арм. — армянский
Арм. ССР — Армянская ССР
арх. — архитектор
ассам. — ассамский
ассар. — ассирский
афг. — афганский
афр. — африканский
Б. — большой
б. — бывший
б. ч. — большей частью
балкар. — балкарский
балт. — балтийский
баск. — баскский
банк. — банковский
Банк. АССР — Банковская АССР
белорус. — белорусский
белг. — бельгийский
бенг. — бенгальский
бир. — бирманский
б-ка — библиотека
БКП — Болгарская коммунистическая партия
болг. — болгарский
болш. — большевистский
бр. — братья (при фамилии)
браз. — бразильский
брет. — бретонский
бриг. — британский
БССР — Белорусская ССР
буд. вр. — будущее время
букв. — буквально
бум. — бумажный
бурж. — буржуазный
бурят. — бурятский
Бурят. АССР — Бурятская АССР
В. — восток
в. вв. — век, века
в т. ч. — в том числе
венг. — венгерский
венесуэл. — венесуэльский
визант. — византийский
вкл. — включительно
ВНР — Венгерская Народная Республика
ВОАПП — Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей
воен. — военный
воен.-мор. — военно-морской
вод. — водостой
вост. — восточный
вост.-европ. — восточноевропейский
ВСРП — Венгерская социалистическая рабочая партия
вступ. — вступительный
вулгар. — вульгарный
ВФП — Всемирная федерация профсоюзов
вып. — выпуск
вьетнам. — вьетнамский
г. — город
газ. — газета
ГАН — Государственная академия художественных наук
гватемал. — гватемальский

гвин. — гвинейский
гг. — годы, города
ГДР — Германская Демократическая Республика
герм. — германский
ГИТИС — Государственный институт театрального искусства
гл. — главный
гл. обр. — главным образом
глагол. — глагол
голл. — голландский
гор. — городской
гос. — государственный
гос-во — государство
гражд. — гражданский
греч. — греческий
груз. — грузинский
Груз. ССР — Грузинская ССР
губ. — губерния
гуджарат. — гуджаратский
даг. — дагестанский
Даг. АССР — Дагестанская АССР
дат. — датский
действит. чл. — действительный член
дек. — декабрь
деп. — департамент, депутат
деп. Верх. Совета — депутат Верховного Совета
дер. — деревня
дет. — детский
доминик. — доминиканский
доп. — дополнительный
доц. — доцент
д-р — доктор
др. — другой
ДРВ — Демократическая Республика Вьетнам
евр. — еврейский
европ. — европейский
египт. — египетский
ед. ч. — единственное число
ж. д. — железная дорога
ж.-д. — железнодорожный
ж. р. — женский род
журн. — журнал
З. — запад
зав. — заведующий
зам. — заместитель
зап. — западный
зап.-европ. — западноевропейский
заруб. — зарубежный
засл. арт. — заслуженный артист
засл. деят. нем-в — заслуженный деятель искусств
засл. деят. н. — заслуженный деятель науки
и т. д. — и так далее
и т. п. — и тому подобное
ИВ АН СССР — Институт востоковедения Академии наук СССР
изд-во — издательство
израил. — израильский
им. — имени
ИМЛИ — Институт мировой литературы имени М. Горького АН СССР
имп. — император
ингуш. — ингушский
инд. — индийский
индонез. — индонезийский
иностр. — иностранный
ин-т — институт
иран. — иранский
иран. — иранский
ирл. — ирландский
искус-во — искусство
изл. — издательский
исп. — испанский
итал. — итальянский
ишем. — ишемский
кабард. — кабардинский
Каб.-Балк. АССР — Кабардино-Балкарская АССР
кавказ. — кавказский
казах. — казахский
Казак. ССР — Казахская ССР
калм. — калмыцкий
Калм. АССР — Калмыцкая АССР

камбодж. — камбоджийский
канад. — канадский
канд. — кандидат
каракалпак. — каракалпакский
Каракалп. АССР — Каракалпакская АССР
карач. — карачаевский
Карач.-Черк. АО — Карачаево-Черкесская автономная область
карел. — карельский
Карел. АССР — Карельская АССР
кельт. — кельтский
гор. — городской
кирг. — киргизский
Кирг. ССР — Киргизская ССР
кит. — китайский
к.-л. — какой-либо
к.-н. — какой-нибудь
кн. — книга, князь
КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика
КНР — Китайская Народная Республика
колл. — коллективный
колумб. — колумбийский
колхоз. — колхозный
комбеды — комитеты бедноты
кооп. — кооперативный
конгр. — конгрессный
кор. — корейский
костарик. — костариканский
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
крест. — крестьянский
к-рый — который
к-т — комитет
кубин. — кубинский
культ.-просвет. — культурно-просветительный
курд. — курдский
КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока
лат. — латинский
лат.-амер. — латиноамериканский
латв. — латвийский
Латв. ССР — Латвийская ССР
латыш. — латышский
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ленингр. — ленинградский
ЛФФ — Левый фронт искусства
либер. — либеральный
ливан. — ливанский
лит. — литературный
лит.-ведение — литературоведение
литов. — литовский
Литов. ССР — Литовская ССР
лит-ра — литература
М. — Малый
м. — местечко, море
м. б. — может быть
м. р. — мужской род
макед. — македонский
малайск. — малайский
малайл. — малайский
мар. — марийский
Мар. АССР — Марийская АССР
маратх. — маратхский
марон. — маронитский
МГУ — Московский государственный университет
МДФЖ — Международная демократическая федерация женщин
мед. — медицинский
межд. — международный
междунар. — международный
мес. — месячный
мес. — месяц
мест. — местное
мин. — минута
мин-во — министерство
МИФЛИ — Московский институт филологии, литературы, истории
млн. — миллион
млрд. — миллиард
мн. — многие
мн. ч. — множественное число
МНР — Монгольская Народная Республика
молд. — молдавский
Молд. ССР — Молдавская ССР

«Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени» (т. 13), «Памятники полемической литературы в Западной Руси» (т. 4, 7, 19). Историч. материалам, представляющим известный интерес и для истории лит-ры, посвящены тома, содержащие «Дела Тайного приказа» (т. 21—23, 38), «Донские дела» (т. 18, 24, 26, 29), а также публикации — «Записные книги Московского стола» (т. 9—11), «Приходно-расходные книги Московских приказов» (т. 28), «Русские акты Копенгагенского государственного архива» (т. 16), часть «Литовской метрики» (т. 20, 27, 30, 33). Разнообразные издания РИБ содержат науч. публикации уникальных старопечатных книг, впервые публикуемые рукописные памятники лит-ры и публицистики, фрагменты летописей, памятники древнерус. канонич. права, внешнюю и внутр. правительственную переписку, многочисл. акты хозяйств. и финансового характера (писцовые и переписные книги, кабальные повгородские книги и др.), документы монастырских и церковных архивов (т. 5, 12, 14, 25, 37). Материалы РИБ подготавливали известные рус. археографы, историки и литературоведы: Я. Л. Барсков, А. П. Барсуков, С. А. Белокуров, И. А. Бычков, С. Б. Веселовский, П. Гильдебрандт, Б. Д. Греков, И. Я. Гурлянд, В. Г. Дружинин, Н. Н. Костомаров, М. Колянич, Г. З. Кувцевич, А. С. Лаппо-Данилевский, Л. Н. Майков, А. С. Павлов, С. Ф. Платонов, П. С. Смирнов, А. И. Тимофеев, Ф. И. Успенский и др. Науч. методика изданий РИБ, постепенно улучшавшаяся, достигла высокого уровня. Публикации памятников сопровождаются в РИБ подробными источниковедческими и археографич. комментариями, текстологич. аппаратом, различными указателями. РИБ занимает важное место в рус. археографии среди крупнейших серий лит. и документальных публикаций, относящихся к феод. периоду.

Лит.: Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957; Валк С. И., Советская археография. М.—Л., 1948. А. Н. Робинсон.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Народнопоэтическое творчество. Русский фольклор не только исторически предшествовал Р. л., но и на протяжении многих веков продолжал существовать и развиваться параллельно с ней, питая ее и вместе с тем заимствуя из нее. В 19 в. Россия была одной из немногих стран Европы, в к-рой фольклор жил еще полнокровной жизнью. Мастера фольклора рус. Севера, Поволжья, центр. областей Европ. части СССР, Сибири донесли замечательные традиции нар. устного поэтич. творчества до сов. времени.

Рус. фольклор формировался в процессе сложения древнерус. народности, а затем рус. нации на основе традиций древних слав. племен и их историч. предшественников. До возникновения письменности и лит-ры на Руси фольклор был единственным видом словесно-худож. творчества, формой нар. памяти и нар. знаний, публицистикой народа, выражением нар. мировоззрения. В фольклоре проявлялось политич. и социальное мышление народа, он сопровождал любые праздники и обряды. Письменность и лит-ра с момента своего возникновения стали достоянием верхних социальных слоев общества. Эстетич. потребности общества в целом еще долгое время были связаны не только с литературной, но и с устной традицией. В поздне-феод. период устное поэтич. творчество делается в основном достоянием трудовых нар. масс. Трудовой народ был не только осн. создателем фольклора, но и средой, хранившей нар. фольклорные традиции. Лит. формы творчества были недоступны народу и не могли приобрести массовый характер. Осознание лит-ры как особого рода духовной деятельности и признание авторского права на текст содействовало расширению круга литераторов-профессионалов. Творцы и исполнители фольклора, как пра-

вило, не профессионализировались; они оставались крестьянами, рабочими, ремесленниками, солдатами и т. п.

Осн. жанры рус. фольклора составляли две большие группы — устная нар. проза (сказки и несказочные жанры — предания, легенды, побывальщины и др. устные рассказы) и нар. песенные жанры (эпич. песни — былины, историч. песни; сюжетные песни незнач. склада — баллады и романсы; обрядовые песни — колыдки, подблюдные, веснянки, троицко-семичные и др.; лирич. песни и частушки), нар. драма. Рус. фольклор, как и фольклор нек-рых др. народов, почти не знал стихотв. жанров несенного характера. Исключение составляет только нек-рая часть ритмизованных, иногда рифмованных пословиц и поговорок, прибаутки (напр., т. н. детские «потешки»), присловия (напр., приговоры свадебных дружек) и связанный с ними «раек». Нескольким особняком стоят заговоры (иногда ритмизованные), причитания, стихотворные по форме, но отличающиеся особой манерой исполнения — протяжным речитативом. Духовные стихи выделяются специфич. тематикой (нравственные и социальные проблемы на религ. материале) и поэтич. особенностями.

Героич. и патриотич. тема нашла высокое худож. воплощение в эпич. песнях — *былинах*, сформировавшихся в период борьбы рус. народа с татаро-монг. нашествием и возникновении нац. гос-ва. Арханч. формы эпич. предания о великанах, древнейшая богатырская сказка, историч. баллады, известные в фольклоре др. народов) играют при этом меньшую роль. Для рус. историко-песенного фольклора характерна особая популярность сюжетов, связанных с крест. антифеод. восстаниями 17—18 вв. Рус. фольклору свойственны развитые формы обрядовой поэзии (календарно-обрядовые песни аграрного цикла и причитания), богатая традиция волшебной и социально острой бытовой сказки при несколько меньшем развитии сказок о животных, сюжетные и поэтич. богатство т. н. «долгой» песни, на позднем этапе — частушки, развитые формы драматизированной календарной и свадебной обрядности и сравнительно меньшая популярность нар. драмы.

Сложен и менее изучен жанровый состав рус. рабочего фольклора, органически связанного в своих истоках с крест. фольклором и фольклором гор. низов. Только в последние десятилетия 19 в. стали развиваться жанры, отличные от традиционных: песни (пролет. гимны, марши, своеобразные лирич. и сатирич. песни), рабочая частушка, политич. куплет, сливавшиеся с революц. песней лит. происхождения. Для рус. фольклора характерна четкая жанровая дифференциация и выработанность специфич. поэтич. особенностей каждого жанра. Вместе с тем в нар. традиции нек-рые группы жанров, близкие по своей социально-бытовой функции, сливались в более обширные группы (напр., предания, легенды, побывальщины и устные рассказы). Жанры рус. народно-поэтич. творчества в разные историч. периоды получали большее или меньшее развитие. *Исторические песни* стали особенно активно развиваться с 16 в., *рекрутские песни* и *причитания* — с возникновением регулярной рекрутчины (нач. 18 в.), *частушки* становятся особенно важным явлением нар. поэзии со 2-й пол. 19 в. Уже в 1-й пол. 19 в. в губерниях Центр. России начинает оскудевать былинная традиция, еще очень богатая на рус. Севере, на Дону, в ряде районов Сибири; со 2-й пол. 19 в. и особенно в сов. время постепенно исчезают из нар. репертуара мн. виды *обрядовой поэзии* (песни, причитания, заговоры), духовные стихи, религ. легенды, полные суеверия побывальщины и др.

Рус. фольклору свойственно не только жанровое многообразие, но и историч. многослойность народно-поэтич. репертуара каждой конкретной эпохи. Так, в сер. 19 в. в одних и тех же рус. деревнях можно было услышать и древние заговоры, и аграрные заклина-

тельные песни, восходящие к эпохе перехода восточнослав. племен к земледелию, и духовные стихи, занесенные на Русь вместе с христианством (т. е. не ранее 10—11 вв.), и былины, в к-рых отразилась древнекиевская Русь (11—12 вв.), а также борьба русских с татарами (13—16 вв.), и более поздние песни о Степане Разине (17 в.) и Емельяне Пугачеве (18 в.), о Крымской войне 1853—56 и т. д. Они продолжали бытовать не в силу историч. инерции, а потому что воспринимались обобщенно и актуализировались в сознании исполнителей и их слушателей. Важнейшей особенностью рус. фольклора 17—19 вв. была выработанность общенационального, особенно песенного репертуара (значительно большая, чем, напр., в Германии или Италии) и его специфич. черт при сохранении локальных (областных) различий и вариантов, восходящих к периоду феод. раздробленности. Эти различия определялись своеобразием развития отд. областей на обширной территории расселения русских, бытовыми контактами с соседними народами, близостью рус. фольклора к фольклору других восточнослав. народов — украинцев и белорусов.

Самые ранние записи отрывков из фольклорных текстов (заговоры, загадки, песни) найдены на т. н. берестяных грамотах; более или менее полное и регулярное записывание фольклора началось со 2-й пол. 17 в. Приемы научной записи вырабатывались в 18 в. и в 1-й пол. 19 в. Особую ценность представляют сб-ки былин «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (1804, 2-е изд. 1818), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (1861—67), «Онежские былины» (1873) А. Ф. Гильфердинга, сб. «Народные русские сказки» (в. 1—8, 1855—64) А. Н. Афанасьева, сб. «Песни, собранные П. В. Киреевским» (в. 1—10, 1860—1874), «Великорусские в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (в. 1—2, 1898—1900, изд. не завершено) П. В. Шейна, «Великорусские народные песни» (т. 1—7, 1895—1902) А. И. Соболевского, сб. «Причитания Северного края» (ч. 1—4, 1872—85), сост. Е. В. Барсовым, и др. Фольклористика располагает сведениями об именах и судьбах создателей и исполнителей рус. фольклора гл. обр. с сер. 19 в. Особенно одаренными сказочниками были: А. К. Новопольцев, Ф. И. Акаментов, Н. О. Винокурова, М. М. Коргуев, Ф. П. Господарев, А. К. Барышникова, Е. И. Сороковиков (Магай); сказателями былины — Т. Г. и И. Т. Рябинины, В. П. Щеголенок, М. Д. Кривополевова, Г. А. Якушев, Ф. А. Конашков, А. М. и М. С. Крюковы; исполнительницами причитаний — И. А. Федосова, Н. С. Богданова, А. М. Пашкова, М. Р. Голубкова.

Рус. писатели, начиная от авторов древнейших рус. летописей, автора «Слова о полку Игореве», опирались на рус. фольклор, активно использовали его в своем творчестве. К фольклору обращались писатели разных политич. и эстетич. устремлений. В 18—19 вв. особенно обострился интерес к нему как к важнейшему элементу нац. культуры. Объективно это было проявлением борьбы за нац. традиции и их понимание. Обращение к фольклору сыграло значит. роль в сложении нац. системы стихосложения, в осознании и выработке нац. особенностей новой Р. л., в худож. обогащении ее и освоении ею приемов изображения нар. быта, в борьбе за традиции волюнтаризма и патриотизма.

В свою очередь, в репертуар нар. масс, особенно с конца 18 в., все больше проникают лит. произведения (напр., «Стойте сизый голубочек» И. И. Дмитриева, «Выйду я на реченьку...» Ю. А. Нелединского-Мелецкого, «Среди долины ровныя» А. Ф. Мерлякова, «Смерть Ермака» К. Ф. Рыльева, «Узник» и «Смотрю как безумный на черную шаль» А. С. Пушкина, стихи М. Ю. Лермонтова, песни А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова). Этот процесс становится особенно интенсивным

в конце 19 — нач. 20 вв., в пору бурного развития рус. революц. песни, и широко развертывается в сов. время (песни Д. Бедного, М. В. Исаковского, А. А. Суркова, А. И. Безыменского, М. Голодного, В. И. Лебедева-Кумача, М. А. Светлова, Е. А. Долматовского и др.). В связи с демократизацией культуры, осуществлением подлинной культурной революции фольклор в СССР становится одной из форм массовой поэтич. деятельности наряду с другими совр. формами (самодельное лит. творчество, клубная самодеятельность). Он испытывает все возрастающее воздействие лит-ры. Характерен также процесс развития индивидуального творчества фольклорного и лит. типа на почве фольклорной традиции (поэтич. деятельность сказителей М. С. Крюковой, М. Р. Голубковой, А. М. Пашковой и др.).

Рус. фольклористика сложилась как наука в 19 в. и является одним из наиболее значит. отрядов междунар. науки о фольклоре. Большую роль в ее развитии сыграли Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин, А. А. Потебня. Заметное влияние на нее оказала передовая революционно-демократич. мысль 19 в. Большое значение для развития марксистской фольклористики в России имели статьи и речи М. Горького. В сов. время работы В. М. Жирмунского, М. К. Азадовского, Б. М. и Ю. М. Соколовых, Н. П. Андреева, В. Я. Проппа и др. приобрели всесоюзный и междунар. авторитет. См. *Фольклористика, Народное поэтическое творчество*. К. В. Чистов.

Древнерусская литература. Охватывает период с 11 по 17 вв. и отражает идеологию восточнослав. ср.-век. феодального общества. Она возникла в Киевской Руси в условиях образования раннефеод. христианского гос-ва как общее достояние развившихся впоследствии рус., укр. и белорус. народов. Усвоение новой религии и церковнослав. письменности сопровождалось перенесением на Русь при болг. посредстве осн. памятников раннехристианской и визант. лит-ры: библейские книги, сочинения отцов церкви, жития святых. В этот поток книжности входили и апокрифы («Хождение Богородицы по мукам» и др.), визант. историография («Хроника» Иоанна Малалы с повестью о Троицкой войне), естественнонауч. сочинения, пропов. болг. духовной лит-ры («Шестоднев» Иоанна и др.), чехо-моравской (княжеские жития Вячеслава и Людмила), переводы лит. дерк. памятников. Одновременно на Руси переводятся с греч. яз. визант. хроники (Георгий Амартола, Сивколла), эпос («Девгениево деяние»), «Александрия», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, с древнеевр. переводится книга «Есфирь», хронология «Носипон», с сирийского — повесть об Акюре Премудром. Зарождающаяся др.-рус. лит-ра занимала срединное положение между лит-рами Востока и Запада, к-рые вводили ее в круг междунар. культурных интересов. Освоение памятников иностр. лит-р сопровождалось у др.-рус. книжников творч. отношением к переводу. Со 2-й четв. 11 в. начала развиваться оригинальная лит-ра (летописание, агиография, проповедь). В «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион с риторич. искусством, не уступающим визант. красноречию, трактовал проблемы превосходства христианства над язычеством, крещения Руси и ее величия среди др. народов. Киевское и новгородское летописание было проникнуто идеями гос. строительства. Монахи-летописцы обращались к преданиям языческого фольклора, придававшим летописанию поэтич. характер. Нестор пришел к осознанию нац. единства восточнослав. племен, их родства со всеми славянами. Летописание совмещало задачи историч., публицистич. и худож. повествования. «Повесть временных лет» (ок. 1113) Нестора приобрела значение самой выдающейся хроники европ. средневековья. Житийная лит-ра формировалась на основе визант. и чеш. традиций, но насыщалась актуальной политич. и

религ. проблематикой. Первыми ее героями стали князь-святые («Житие Бориса и Глеба»), а затем уже подвижники церкви («Житие Феодосия Печерского»). В агнографии впервые в условно-схематич. форме изображаются внутр. переживания человека, намечаются различные характеры.

В период феод. раздробленности и усиления полочецкой экспансии (12 в.) в каждом из др.-рус. княжеств образуются свои лит. центры. Новгородские летописи отличаются документально-деловым характером и посвящаются преим. политич. и хозяйств. жизни торгового города. Галицко-Волынское летописание превращается в тенденциозное жизнеописание местных князей (Романа, Даниила) как врагов боярства. Владимирская летопись проникается идеями нового объединения Руси вокруг северных центров, прославляет идеалы самодержавной княжеской власти (князей Андрея Боголюбского, Всеволода), сближается с церк. лит-рой, что создает идеологич. основы развития лит-ры Моск. княжества. Эти тенденции встречают сильное сопротивление представителей старых идеалов уже утраченного гос. могущества во главе с Киевом. Киевское летописание продолжает держаться общерус. традиций, протестует против княжеских войн, создает воинские повести о борьбе с внешними врагами. В автобиографич. «Поучении к детям по традиции визант. и зап.-европ. монархов князь Владимир Мономах стремится воссоздать для потомства образ справедливого правителя, опытного хозяина, примерного семьянина. Патриотич. идеи выражаются и в новом для др.-рус. лит-ры, но общераспространенном в средневековые жанре паломничества; игумен Даниил пишет в своем «Хождении», как он молился за Русь у гроба господня и был почетно принят иерусалимским королем Балдуином. Общерусскую религ. и политич. направленность сохранила торжеств. проповедь (поучения Кирилла Туровского, Климента Смолятича), достигшая виртуозного стилистич. совершенства. Патриотич. идеалы и поэтич. культура Киевской Руси нашли наилучшее воплощение в «Слове о полку Игореве» (1185—87), к-рое вошло в круг великих эпич. памятников христианского средневековья («Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Сиде», «Витязь в барской шкуре» Руставели и др.). Христианские представления эпохи объединились в «Слове» с опозитивированными пережитками язычества, что послужило основой для слияния в его стиле худож. традиций лит-ры и фольклора.

С конца 12 в. возникает новое оживление рус.-слав. сношений. Др.-рус. лит-ра возвращает болг. лит-ре греко-слав. памятники, утраченные ею вследствие визант. завоевания («Кормчая», «Синодик», «Пчела», «Историческая Палея» и др.). Болг. и серб. лит-рам передаются переводные (повесть об Акире Премудром) и оригинальные произв. («Служба Борису и Глебу», «Слово о законе и благодати», «Житие Феодосия Печерского», два поучения Кирилла Туровского).

Монголо-тат. завоевание надолго задержало развитие др.-рус. лит-ры, ослабило ее междунар. лит. связи. Однако творчество поддерживается лит. наследием Киевской Руси с его высокими гос. идеями и развитыми поэтич. традициями. В повестях о тат. нашествии писатели пытаются осознать трагедию Руси как «гнев божий» за «грехи», в числе к-рых, в особенности в блестящих проповедях Серафима Владимирского, значились и феод. распри. Лит-ра пробуждает нац. чувства пораженного народа в «Слове о погибели Русьской земли», патриотич. идеи в «Житии Александра Невского», отразившего агрессию нем. рыцарей, и в «Житии Довмонта Псковского», победителя ливонских рыцарей. Севернорус. писатели опирались на киевское наследие и в религ.-бытовой тематике. На основе лит. переписки между владимирским епископом Симоном, киево-пе-

черским монахом Поликарпом и игуменом Акиндином возникает Киево-Печерский патерик. А. С. Пушкин писал об этом первом др.-рус. сборнике правоучит. поучел, отметив в них предельную простоту и вымоща. В произв. севернорус. писателей впервые обнаруживается интерес к незнакомому человеку как личности и к реальному быту. Эти тенденции по-новому отражаются в «Молении Даниила Заточника», обращаемого к князю за заступничеством, пересылающего свою речь князьскими афоризмами и нар. пословицами. «Моление» превращается в памфлет, направленный против боярства, отстаивающий идеалы небогатого, но образованного дворянина, сторонника сильной княжеской власти.

В 14—15 вв. в моск. летописях («Троицкая летопись», «Свод Фотия» и др.) и в агнографии («Житие митрополита Петра») выдвигается проблема возвышения Моск. княжества как нового объединителя рус. земель. Летописи отражают процесс новой циклизации нар. эпоса (былины об Александре Поповиче и др.). Рус. «Хронограф» впервые целостно излагает всемирную и рус. историю. Повести о Куликовской битве (1380) восхваляют моск. князя Дмитрия Донского как объединителя Руси в борьбе с татарами. В этих повестях продолжается развитие традиций «воинской» поэтики, намечается сближение нар.-эпич. стилистики с церк. патетикой. «Задонщина» насыщается обновленными образами «Слова о полку Игореве».

Постепенно в областных лит-рах начинают отражаться события нац. значения. Общерус. патриотизмом и интернациональным дружелюбием проникнуто «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, первого рус. путешественника в Индию (1466—72), привнесшего в лит-ру стиль путевых заметок, написанных простым рус. языком. В новгородской лит-ре создается цикл повестей, отличающихся сочетанием фантастики с документально-бытовой обстоятельностью (повести о посаднике Шиле, о путешественнике Иоанна на бесе в Иерусалим, о конце Новгорода и др.), в к-рых защищались идеи новгородской независимости. И после присоединения Новгородской республики к Моск. княжеству продолжались еще традиции местного приоритета («Повесть о новгородском белом клобуке»). Лирически скорбной повестью — «Плачем» откликнулись псковичи на завоевание города моск. князем.

С 15 в. вновь укрепляются междунар. лит. связи Руси, проявляется интерес к популярным зап.-европ. фольклорно-лит. сюжетам. Интерес к личности с ее внутр. жизнью выходит за пределы памфлетной формы и вызывает появление сюжетных повестей, основанных на соединении традиционно житийных и фольклорных мотивов с новыми легендарно-историч. сюжетами. В «Житии о Петре и Февронии», рассказывающем о трогательной любви муромского князя и его жены — дочери крестьянина, используются распространенные у ми. народов мотивы борьбы героя со змеем-соблазнаителем, волшебного исцеления и др. Повесть свидетельствует об усилившемся процессе отделения худож. лит-ры от церковной книжности.

В атмосфере возвышения моск. централизаторской политики житийная лит-ра насыщается торжеств. риторикой («взвятием словес») под воздействием второго южнослав. влияния, принесенного болг. и серб. писателями (Киприан, Пахомий Логофет). Крупнейшим рус. представителем этого нового стиля был Епифаний Премудрый, автор житий Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Ему впервые удалось отобразить контрасты психологич. переживаний как неодолимых сил, охватывающих людей по божественному произволению. Возобновившаяся переводч. деятельность ввела в др.-рус. лит-ру сербскую «Александрину», хронику Манаси, повесть о Дракуле, восходящую к древнеинд-

«Панчатантре», повесть о Стефаните и Ихнзилате. В 16 — нач. 17 вв. были переведены ср.-век. книги «Аристотелевы врата», «Луцидарус» и «Троицкая история» итал. писателя Гвидо делле Колонне. Большое культурное значение приобретает начало книгопечатания. В Москве Иваном Федоровым издается «Апостол» (1564) и «Часовник», послуживший учебной книгой.

С укреплением моск. самодержавной государственности и падением Византии (1453) к нач. 16 в. вновь возрастают официально-публицистич. тенденции, а зародившееся ранее внимание к личности ослабевает. В повести Нестора Искандера о взятии Царьграда турками, в сказаниях о Вавилонском царстве, о князьях Владимирских, в послании старца Филофея к великому князю Василию, в новой редакции «Хронографа» (1512) о Руси и о русских говорится как о преемниках Византии и оплоте православного христианства. Создается концепция Москвы — третьего Рима, к-рая должна была знаменовать появление новой мировой империи. Подобной провинциальной идеологией проникается и обширная «Никоновская летопись», а «Летописец начала царства» уже прямо восхваляет деяния царя Ивана Грозного. «Казанская история», повествующая о покорении казанского ханства (1552), обновляет традиции красочной «воинской» беллетристики, соединяя лит. приемы образительности с фольклорными мотивами. По мере укрепления деспотизма Ивана Грозного лит-ра все более сосредоточивается на разработке изощренных риторич. приемов идеализации его личности, как и всей династии Рюриковичей («Книга степенная царского родословия»). Пр-во и церковь поощряют обширные коллективные лит. начинания, направленные к регламентации религ., обществ., домашней жизни подданных («Великие Четыри Мишен» митрополита Макария, «Стоглав», «Домострой»). Острая лит.-публицистич. борьба вокруг вопросов о пределах царской власти и гос. политике, социальных интересах восточного боярства и служилого дворянства приводит к расширению лит. жанров и видоизменению стилей. Документальные «послания» и «челобитные» превращаются в злободневные памфлеты и аллегорич. сказания на политич. темы. В сказаниях о царе Константине и о Магмет-салтане Иван Пересветов прославляет политику царской «грозы» и осуждает бояр. Царь Иван и князь Курбский обмениваются взаимнообличит. посланиями, в к-рых сталкиваются традиц. книжные стили с меткой разговорной речью.

К нач. 17 в. в обстановке «смутного времени» польско-шведской интервенции и крест. восстаний лит. развитие вновь замедляется. Но уже в 20-х гг. 17 в. по мере нормализации обществ. жизни появляются значит. историографич. соч. Авраамия Палицына, Катерина-Ростовского и Ивана Тимофеева, в к-рых предпринимается попытка истолковать смысл и причины эпохи нац. бедствий. Писатели подвергают переоценке правление Ивана Грозного, рассматривают его как тирана, ослепленного «простотью», пытаются объяснить противоречивую политику Бориса Годунова, авантюризм Лжедмитрия, ограниченность Василия Шуйского свойствами личности каждого из них, а это влечет за собой изображение историч. характеров, не провинциально-однолинейных, как ранее, а раскрывающихся в противоборстве «злых» и «добрых» страстей. Вновь возрождается интерес к изображению личности, но уже без окружающей ее ранее сказочной обстановки. Возникает жанр бытовой повести, ранним образцом к-рой явилось «Житие Юлианы Лазаревской» — благочестивой и хозяйственной дворянки, написанное ее сыном Дружинкой Осорбиным. Появившиеся представления о том, что идеал благочестия достижим не только в монастыре, но и в миру, влияют на преобразование житийного жанра как биографий святых в жанр светской биографич. повести,

содержащей изображение бытового быта. Однако в лит. оценках человеческого сужде консервативная христ. мораль еще торжествовала. Герой стихотворной повести о Горе-Злочастии, близкой к фольклору, «добрый молодец», захотевший жить не по советам родительским, а «как ему любо», попадает под власть сивовича. Горя, от к-рого ему удалось спастись только в монастыре. Процесс обмирщения культуры и распространения грамотности способствовал социальному расслоению лит-ры, возникновению новых жанров и стилей. В посадских кругах создается сатирич. лит-ра, осмеивающая продажность суда, пороки духовенства, проникнутая сочувствием к беднякам. В ней зарождаются приемы гротеска и народийной стилизации, дерзко пародируются церк. служба («Служба кабаку») и тексты Священного писания («Повесть о крестьянском сыне», аллегорич. обличается судопроизводство («Повесть о Ерше Ершовиче»), комически используются офиц. формы канцелярских документов («Калицкая челобитная») или образцы правоучит. письменности («Азбука о годном и небогатом человеке»). В этой лит. среде начинается нац. обработка *животного эпоса*, басен и легенд, распространенных у ми. вост. и зап. народов («Повесть о куре и лисце», «Шемкии суд», «Повесть о Карпе Сугулове», «Повесть о бражнике» и др.). В демократич. среде казачества, оборонявшего окраины гос-ва, создаются патриотич. сказания фольклорного типа («Повесть об Азове»). Через эту среду переходит в лит-ру сказочная переработка распространенного сюжета о Рустаме («Повесть о Еруслане Лазаревиче»). Тема защиты родины от «бусурман» находит поэтич. воплощение и в обработках нар. эпоса («Сказание о киевских богатырях», повести об Илье Муромце, о Сухане). «Написание» о завоевании Сибири Ермаком и его казаками кладется в основу «Сибирской летописи».

Острейшая борьба разгорается вокруг церк. реформ патриарха Никона в сер. 17 в. Демократич. движение раскола выдвигает группу писателей-публицистов (Аввакум, Епифаний, Федор, Авраамий), защищавших «старую веру», выступавших с открытой критикой царского абсолютизма и гос. церкви. Защиту интересов светских и церк. феодалов взяли на себя приглашенные в Москву укр. и белорус. писатели (Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий). Этот крупнейший идеологич. конфликт эпохи обусловил зарождение двух лит. направлений: феодально-охранительного во главе с Симеоном Полоцким и народно-обличительного во главе с протопопом Аввакумом. «Житие» Аввакума, написанное им самим в тюрьме, получило впоследствии мировую известность лит. шедевра. Эта полемика, автобиография повествовала о многострадальной жизни бесстрашного борца за свои идеи, утверждала достоинство человека, реально раскрывала его внутр. мир, представляла собой страстную «исповедь-проповедь» писателя как «пророка» и «грешника» одновременно. Житийные языковые каноны были преобразованы в этом сочинении на основе нар. просторечия.

Новый род иск-ва появился с открытием придворного театра (1672), в к-ром ставились нем. и рус. пьесы на библейские и историч. сюжеты («Артаксерксово действо», «Комедия о Тамерлане и Баззете» и др.). Правоучит. стихотворные драмы Симеона Полоцкого трактовали актуальные для переломной эпохи проблемы отношений «отцов» и «детей» («Комедия притчи о блудном сыне») и о царе-тиране, побежденном божественной силой («О Находоносоре царе»). В 17 в. появляется стихотворство по польско-укр. силлабич. образцам в творчестве Симеона Полоцкого и его учеников (Сильвестр Медведев, Карпий Истомин). Правоучительно-просветит. деятельность этих писателей, имевшая своими истоками зап. «школьное барокко», приобретает на рус. почве характер предклассицизма.

Необычайно возрастает интерес к переводным произведениям, влияющим через польское, укр. и белорус. посредство. В России завершают свою длительную лит. жизнь западные рыцарские романы и любовно-авантурные повести (повести о Бове Королевиче, о Петре Златых Ключей, о Василии Златовласом и др.), нар. книги с легендарными сюжетами (обобщенная Восток и Запад и восходящая к др.-инд. сказанию «Повесть о семи мудрецах», рыцарское предание о Мелюзине), старинные сб-ки правоучит. новелл («Римские деяния», «Великое Зерцало», «Звезда пресветлая»), фации, собрания изречений древних мудрецов и историч. анекдотов («Апофеизмы»), переработки басен Эзопа.

Постепенно др.-рус. лит-ра утрачивает феодально-средневековый облик, в ней берут верх светские начала над церковными, прогрессирует борьба живой речи с церковнослав. архаикой. Но индивидуальное творчество писателей только еще развивается. Уже предчувствуется эпоха петровских реформ, к-рой открывает перед лит-рой принципиально новые возможности. Древнерус. лит-ра обладает двумя шедеврами мирового достоинства — «Словом о полку Игореве» и «Житием» Авакума. В лит. процессе средневековья эта лит-ра возникает в своих осн. чертах как поучительно-публицистич. феномен, выделяющийся на фоне повествоват. и лирич. многообразия зап.-европ. и вост. лит-р.

А. Н. Робинсон,
лит-р.

Русская литература 18 в. Лит. развитие в петровскую эпоху явилось продолжением предшествующих традиций. Самые значит. явления последней четв. 17 в. — авантюрно-плутовская повесть и поэзия школы Симеона Полоцкого (1629—80) — продолжают существовать и в 1730-е гг.; в духе стилистики барокко создаются проповеди Стефана Яворского (1658—1722) и школьные драмы, хотя и в них отражается новая обществ. тематика, связанная с деятельностью Петра I. Представление о правовом гос-ве и просвещенном абсолютизме было разработано в публицистич. произв. и официальных программных документах, написанных Петром I и его сподвижниками П. П. Шафиром (1669—1739), Феофаном Прокоповичем (1681—1736). Впервые в истории рус. обществ. жизни оформилась иверидиологич. политич. идеология, ставшая содержанием официальной политич. пропаганды. В теоретич. высказываниях создателей новой поэзии А. Д. Кантемира (1708—44), В. К. Тредиаковского (1703—69), М. В. Ломоносова (1711—65) разрыв с допетровским культурным прошлым формулируется как идея создания лит-ры общенациональной, а необходимость лит. реформ представляется распространением «дела Петра» и на область культуры. Осн. направление рус. обществ. мысли 18 в. — рус. просветительство — возникает на идеологич. почве, уже подготовленной в петровскую эпоху, но как совершенно самостоят. система социально-политич. и эthic. идей. Унаследовав положит. элементы культурно-политич. программы эпохи реформ (идею научно-пром. прогресса, идею просвещения в собственном смысле, идею независимости науки и мысли от церкви), рус. просветительство выступило и против идеи «страха» как осн. средства обуздания и приволивания к прогрессу, противопоставив ему понятие гражд. долга и общего блага нации. Осн. темой лит-ры на всем протяжении 18 в. стал конфликт между человеком социальным и человеком этическим, между сознательным выполнением обществ. эthic. долга и эгонистич. потворством страстям. Существование и борьба лит. направлений в Р. л. 18 в. (барокко, классицизм, сентиментализм) не являлись простым воспринятым философско-идеологич. борьбой. Лит. направления в сознании писателей 18 в. заслонялись представлениями о школах и кружках; собственно лит. конфликты и эстетич.

споры происходили в 50-е гг. между школами Ломоносова и А. П. Сумарокова; в 60-е гг. — между кружками И. П. Елагина — В. И. Лукина и Н. И. Новикова — Д. И. Фонвизина; в 70—80-е гг. враждовали кружки Н. П. Николеева — Д. П. Горчакова и Н. А. Львова — Г. Р. Державина; в 90-е гг. кружок И. А. Крылова — А. И. Клушина вел последоват. борьбу с Н. М. Карамзинским и его сторонниками. При определении характера лит. направлений 18 в. в совр. науке существуют разногласия; наиболее существенное из них касается соотношения классицизма и реализма. Одни исследователи находят лишь элементы реализма у Фонвизина, Державина, А. Н. Радищева, другие считают, что в Р. л. 18 в. существовало особое направление «просветительского реализма». Споры о природе лит. направлений связаны еще с тем, что с 1730-х гг. Р. л. проделала путь, к-рый франц. лит-ра прошла за два века. Поэтому лит. направления в Р. л. 18 в., отличаясь особыми идейно-эстетич. свойствами, не повторяли зап. аналогов, решая свои исторически обусловленные нап.-культурные задачи.

Возникновение единой нац. лит-ры в конкретно-историч. условиях 1730-х гг. означало усвоение эстетич. принципов и худож. норм европ. классицизма в той его стадии, к-рую определяют как просветительский классицизм. Две осн. задачи были разрешены на первом этапе развития рус. классицизма (с конца 20-х до сер. 50-х гг.): создание строгой жанровой системы и соответствующей ей языково-стилистич. иерархии. Наибольшее значение теории классицизма придавала «высоким» жанрам: эпич. поэме, трагедии и торжестве, или похвальной оде. Трагедии А. П. Сумарокова (1718—77) и оды Ломоносова воспринимались современниками как истинное начало новой рус. лит-ры. Трагедия, в основе к-рой был эthic. конфликт, выразила и гл. проблемы политич. самосознания эпохи. В трагедиях наиболее видных последователей Сумарокова — Я. Б. Княжнина (1742—91) и Н. П. Николеева (1758—1815) — произошло еще большее перемещение интереса от эthic. проблем к разработке социально-политич. вопросов, а в стиле трагедии получила преобладание «рупорность» речей персонажей.

Торжество ода Ломоносова и его последователей стала одним из осн. лит. жанров эпохи. Как правило, в одах разрабатывались актуальные обществ.-политич. проблемы, а комплиментарность стилю и восхваления царствующих особ были условной формой программного характера этого жанра. Одическая военно-политич. тематика послужила материалом для больших поэм М. М. Хераскова (1733—1807) «Чесменский бой» (1771) и «Россиада» (1779). «Россиада» была первой законченной рус. эпопеей и рассматривалась современниками как вершина поэтич. достижений рус. классицизма вообще. Наряду с одой похвальной оды духовные, или стихотв. передовки псалмов у Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Державина, превратились в особый жанр преим. граждански-обличительного или этико-филос. содержания. В 50—60-е гг. возник особый жанр философско-дидактич. поэмы: «Письмо о пользе Стекла» Ломоносова (1752), «Феонтия» Тредиаковского (1755), «Плоды наук» Хераскова (1761), «Сугубое блаженство» И. Ф. Богдановича (1765) и др. Позднее Херасков посвятил изложению масонских представлений о пути к духовному самоусовершенствованию поэму «Владимир Возрожденный» (1785).

Нац.-историч. своеобразие рус. классицизма выразилось в интенсивности развития в нем сатирич. жанров. Стихотворные сатиры Кантемира, распространявшиеся в 30—50-х гг. только в списках, подготовили появление в 50-е гг. стихотворной басни, в конце 50-х гг. — комедии, в конце 60-х гг. — прозаич. журнальной правописат. сатиры. Сумароков и его последователи нишут

басни с установкой на подчеркнутый комизм рассказа и создание образа басенного рассказчика; у Ломоносова и его учеников — иной тип басни: в ней сюжет и правоучение преобладают над комизмом и остроумием. На основе разработанных в баснях приемов комич. диалога и речевой характеристики оформляется стилистика комедии, в к-рой прослеживаются два направления. Одно, связанное с воздействием т. н. серьезной комедии и слезной драмы, обращается преим. к правоучит. проблематике — В. И. Лукин (1737—94); другое избрало своим оружием сатирич. разоблачение, не пренебрегая и народно-фарсовыми традициями. — Сумароков в комедиях 60-х гг., Д. И. Фонвизин (ок. 1744—92), Княжнин, А. И. Клушина (1763—1804). Завершается эта традиция уже в 1800—1810-е гг. А. А. Шаховским (1777—1846). Опыт басенной сатиры 50—60-х гг. воспринимают сатирич. журналы 1769—1772, в к-рых происходит, особенно в журнале Н. И. Новикова (1744—1818) и Ф. А. Эмина (1735—70), все более интенсивное вовлечение бытового социально-весомого материала действительности в систему комич. условных типов, социальных масок, а осн. приемом сатиры остается комич. саморазоблачение отрицат. персонажей. Вынужденное прекращение сатирич. журналов в 1772 не прерывает этой традиции; она воскресает, как только для этого появляются возможности, в журналах П. А. Плавильщикова (1760—1812) и И. А. Крылова (1768—1844). Опыт малых стихотворных сатирич. жанров 60-х гг. и правописат. прозы сатирич. журналов синтезировал В. И. Майков (1728—1778) в ирон-комической шуточной поэме «Елисей, или Раздраженный Вах» (1771), а поэтика стихотворной сказки получила развитие в поэме И. Ф. Богдановича (1743—1803) «Душенька» (1778, поли. изд. 1783).

Классицизм уже к сер. 70-х гг. испытывает воздействие преромантич. и сентименталистских худож. идей, воспринимаемых преим. из англ. лит-ры и нем. критич. мысли, занятой осмыслением драматургии У. Шекспира, поэзии Э. Юнга, Д. Томсона, Оссиана, прозы С. Ричардсона и особенно Л. Стерна. Не менее значительным было влияние Ж. Ж. Руссо, идеи к-рого были в переработанном виде усвоены сентименталистами. Новые эстетич. принципы на сцене осуществлялись т. н. слезной драмой — переводами из Л. С. Мерсье, М. Ж. Седена, позднее А. Коцебу. Слезные драмы Хераскова и М. И. Веревкина (1732—1795) усваивали только внешние черты этого жанра, оставаясь по существу в пределах обычного представления о правоучит. комедии. В творчестве М. И. Муравьева (1757—1807) создаются предисылки для размыкания границ между тремя ломоносовскими «штилями» и появления единого «среднего» поэтич. языка, одинакового для всех жанров — стихотворных и прозаич. Подобной стилистич. инвентаризации подвергается и такой устойчивый жанр, как басня. Прозаич. повествоват. жанры оказались еще более удобным полем для худож.-стилистич. новаторства сентименталистов, чем стихотворные жанры. Новыми для Р. л. жанрами стали путешествия и чувствительная повесть. Первым рус. оригинальным лит. путешествием была книга А. Н. Радищева (1749—1802) «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), в к-ром чувствительность, т. е. способность мыслящего человека воспринимать жизненные впечатления и обществ. противоречия как внутр. душевное дело, была представлена как источник непримиримой вражды к крепостнич. строю в целом. Книга Радищева не оказала непосредств. влияния на лит-ру 1790—1800-х гг., ее воздействие сказалось позже, в эпоху декабристского движения. Для кон. 18 в. пути развития сентименталистской прозы определили повести и «Письма русского путешественника» (опубл. 1791—92) Н. М. Карамзина (1766—1826).

В его прозе была создана новая эмоционально-психологич. структура повествования и анализа душевной жизни. Особое место в Р. л. 18 в. занимает поэтич. творчество Г. Р. Державина (1743—1816). Г. А. Гуконский определил новаторство Державина как полный разрыв с классицизмом и переход на преромантич. и пререалистич. худож. позиции. Д. Д. Благой видит в перестроенной Державиным оде последнюю стадию развития этого жанра поэзии рус. классицизма. Державин действительно соединил в своих одах сатиру нравов и гражд. пафос, допустил смешение высокого и низкого «штилей» и сделал оду еще на два десятилетия (с конца 70-х гг.) живым поэтич. жанром.

[И. Н. Берков], И. З. Серман.

Русская литература 1-й пол. 19 в. В общем движении рус. лит. процесса 1-й пол. 19 в. различимы 3 осн. периода. Первый начинается в сущности еще в 90-е гг. 18 в. и завершается к сер. 20-х гг. 19 в.; второй длится с сер. 20-х гг. до нач. 40-х гг.; третий завершается в сер. 50-х гг.

Характер и содержание лит. жизни 1-го периода определяются обострением кризиса крепостнич. системы, нап. подъемом 1812, созреванием идей дворянской революционности, предвещавших начало первого этапа освободительного движения в России. В этих условиях совершается сложный процесс перехода от идейно-эстетич. концепций классицизма, «просветительского реализма», сентиментализма к иным типам худож. творчества. Нек-рые поэты эпитонски следуют традициям 18 в. Эпитонами классицизма являются С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837), А. А. Шаховской (1777—1846) и др. Эклектически сочетаются черты классицизма и сентиментализма в стихотв. трагедиях В. А. Озерова (1769—1816). Развивается полемика классицистов и сентименталистов, принимающая наиболее острые формы в борьбе лит. обществ «Арзамас» и «Беседа любителей русского слова». Однако полемика эта быстро перерастает свои исходные мотивы, по существу расчищая почву для новых лит. явлений. Центр. место в этот период занимает поэзия: именно она раскрывает внутр. мир личности, вступившей в стадию культурного и нравств. самоопределения, и выражает новое гражд. сознание, формирующееся под воздействием освободит. идей. Выделяются два главных поэтич. течения, часто называемых гражданским и элегическим.

С конца 18 в. развивалась поэзия элегическая. До сер. 10-х гг. она находилась на первом плане лит. развития, затем уступила первенство и сама испытала влияние декабристского пафоса, но сохранила при этом свою специфику и самостоятельность. Родоначальниками элегич. поэзии являются В. А. Жуковский (1783—1852) и К. Н. Батюшков (1787—1855). В 20-е гг. их традиции сильны в творчестве А. А. Дельвига (1798—1831), Н. М. Языкова (1803—46), Е. А. Баратынского (1800—44).

Поэзия элегиков содержит глубокую неудовлетворенность существующим. Это не протест, возбуждаемый обществ. несправедливостью, а психологич. разлад с миром, в к-ром невозможно быть счастливым. Элегики выдвигают идею внутр. свободы личности, достигаемой духовным отъединением от обществ. среды, но сама эта свобода привлекает их как условие личного счастья. Не веруя в переустройство общества, они настаивают на возможности рационально упорядочить внутр. мир человека, подвигая здесь полную гармонию вопреки всем противоречиям мира внешнего. Элегики обращаются к наследию сентиментализма и анакреонтики 18 в., находя здесь близкие им ценности. Для Жуковского — это мир духовных переживаний идеального порядка, для Батюшкова и его последователей — мир «земных» радостей, дружбы, любви, чувственного наслаждения. Эти ценности и утверждаются поэтами-элегиками как прекрасные и значительные, а в свободном

обладании ими видится основание душевной гармонии. Добиваясь адекватного выражения чувств, элегички обновляют поэтич. лексику, синтаксис, семантику, разрабатывают утонченные формы поэтич. экспрессии, создают богатейшее многообразие метрических, строфических и ритмико-интонационных структур. Однако все это подчинено логич. дисциплине и заданным нормам «хорошего вкуса».

Наследуя традиции Карамзина и его школы, элегическая поэзия заключает в себе существенно новое качество: она затронута напряженной субъективной рефлексией. К системе традиц. ценностей предъявляются новые требования и прежде всего — требование абсолютности. Но такой «нагрузкой» ни сентиментальность, ни анакреонтич. ценности выдержать не могут. Гармония, призванная сделать человека счастливым, оказывается невозможной, традиц. пути не сулят удовлетворения. По мере того как это осознается, в поэзии элегиков все отчетливее проступают романтич. тенденции. У Жуковского такие тенденции выражаются в своеобразном мистико-поэтич. тяготении к чуду: он строит фантастич. образ идеального мира, где законы реальности отменяются во имя торжества справедливости и ничем не омраченного возвышенного счастья. У Батюшкова, Изюкова, Баратынского стихия романтич. настроений тяготеет к экстази, переживаниям, судящим абсолютное блаженство. Намечается характерная для романтич. эстетики тяга к фольклорным экзотич. формам (баллады Жуковского, новаторская трактовка антологич. жанра у Батюшкова, идиллии и рус. песни Дельвига). Однако в сознании элегиков романтич. идеалы не обретают достаточно прочной опоры: субъективизм элегич. мышления исключает возможность объективного их обоснования. Поэтому противопоставление действительности и романтич. мечты не может стать у элегиков устойчивой позицией. Каждый из них, разуверившись в романтич. ценностях, время от времени возвращается к сентименталистскому идеалу покоя и «тихого счастья», обеспеченного разумным самоограничением. Но возвращением сопутствует сознание неполноты этой рассудочной гармонии, нередко вновь перерастающее в романтич. мечтательность. В таких колебаниях между двумя идейно-эстетич. системами отчетливо проявляются двойственность и переходный характер элегич. поэзии.

Другое течение образует поэзия гражданская. Некоторые существенные для нее принципы наметились в самом начале века — в творчестве поэтов, группировавшихся вокруг *Вольного общества любителей словесности, наук и художества* (И. П. Пнин, 1773—1805, В. В. Попугаев, 1778—1816, И. М. Борн, г. рожд. неизв. — 1851, и др.) Наиболее ярко она представлена творчеством поэтов-декабристов, среди к-рых выделяются В. Ф. Раевский (1795—1872), В. К. Кюхельбекер (1797—1846), К. Ф. Рылев (1795—1826) и А. А. Бестужев (Марлинский, 1797—1837). Декабристы видели в литературе прежде всего средство пропаганды и борьбы, в их программах явственно стремление придать поэзии политич. характер. Направленность революц. пафоса поэтов-декабристов своеобразна: главные их усилия сосредоточены на утверждении идеальной нормы гражд. морали и поведения человека; отрицанию принадлежит в их творчестве второстепенная роль. Сама специфика дворянской революционности имела в этом смысле решающее значение. Самодержавно-крепостнич. порядок отвергался декабристами как несогласуемый с законами разума и «естественными правами человека», их нравственные и социальные идеалы обоснованы рационалистич. нормами, исходящими из абсолютного противопоставления разума — страсти, долга — склонности, гражд. служения — личным интересам. Поэтому естественно тяготение декабристов к традициям класси-

цизма с его логизированной эстетикой, дидактичностью, культом обществ. и худож. нормы.

Другим основополагающим началом эстетич. системы декабристов является предромантич. идея нац. самобытности лит.-ры. Она принесла в декабристскую поэзию чуждые классицизму тенденции, намечая возможность преодоления метафизичности худож. мышления, открывая перспективы его конкретизации и движения к историзму. Но обе противоположности слагаются в своеобразном синтезе, возможность к-рого создается декабристской концепцией рус. нац. характера. В представлении декабристов он складывается из неистребимого свободолбия, героич. самоотверженности, верности долгу, а сами черты эти мыслятся как вечные, потенциально присущие всем рус. людям. Так понятый нац. характер совпадает с декабристским идеалом человека-гражданина и в то же время отвечает норме человеческого совершенства, заложенной в традициях классицистской эстетики. В силу этого рационалистич. традиции ассимилируют стилевые формы, порожденные поисками поэзии истинно русской. Однако неоспоримо и обратное воздействие, к-рое исключает возможность отождествления декабристской поэзии с классицизмом. Не меньшую роль играет и личностное начало. В результате складывается система, сохраняющая в основе рационалистич. принципы, но более свободная, гибкая, динамичная, чем жанрово-стилистич. система 18 в.

С нач. 20-х гг. в поэзии декабристов появились новые тенденции, отражающие усложнение идейно-психологич. природы дворянской революционности. Новым потребностям отвечал своеобразно переосмысленный эстетич. комплекс байронизма. Возникает романтически трактуемый образ совр. героя, в к-ром черты гражданина-тираноборца соединяются с ореолом трагич. избранничества, катастрофичностью судьбы и напряженностью индивидуального самосознания. Но романтич. мотивы творчества поэтов-декабристов вплоть до 1825 совмещаются с просветит. рационализмом; различные худож. системы «уживаются», поскольку каждой из них отводится своя обособленная сфера.

Наряду с последовательно революц. линией в рамках гражд. поэзии развиваются и др. тенденции. Они определяют особое положение творчества Н. И. Гнедича (1784—1833), П. А. Катенина (1792—1853), Д. В. Давыдова (1784—1839), П. А. Вяземского (1792—1878), выступивших в поэзии в 1800-е гг. Их творчество предвосхищает мн. мотивы декабристской лит.-ры, а в 10-е гг. развивается в прямой связи с худож. исканиями будущих декабристов. Однако оппозиционность и свободолбие этих поэтов не тождественны идеологии декабризма. В 20-е гг. в особом положении оказывается и поэзия Д. В. Веневитинова (1805—27), сочетающая мотивы, родственные декабристскому вольнолюбию, с шеллингианским пониманием иск-ва. Самобытная направленность творч. исканий позволила каждому из этих поэтов обогатить рус. поэзию идейными, стилистич. и жанровыми открытиями.

Особую линию литературного развития образует в 1-й четверти века творчество И. А. Крылова, В. Т. Нарекного (1780—1825), А. С. Грибоедова (1795—1829). Гл. достижения этих писателей связаны с разработкой эпич. и драматич. жанров. В их творчестве складывается одна из начальных форм того подхода к действительности, к-рый составит в дальнейшем основу критич. реализма. Своеобразие этой тенденции определяется ее происхождением: она исходит из традиции рационалистич. сатиры 18 в. Именно сатирич. направленность творчества Крылова, Нарекного, Грибоедова побуждает их искать связей с реальностью, чтобы выявить и обличить те уклонения от норм разума, к-рыми она изобилует. Принимая различные формы, этот процесс так или иначе приближает их к объективному пониманию

жизни. Однако в самих генетич. предпосылках этого процесса заложено ограничение, не позволяющее ему достигнуть завершенности.

В правописат. романах Нарекного освоение бытовой конкретности подчиняется дидактич. заданию. Творч. искания Крылова-баснописца направляются по другому пути. Отталкиваясь от системы этич. и эстетич. норм просветит. рационализма, он ищет опоры за ее пределами. Основой басенного стиля Крылова становится стилистика разговорного нар. просторечия: в восприятии писателя живая нар. речь непосредственно воплощает своеобразие нар. мышления. Ориентация на здравый практический смысл народа приводит к конкретизации всей поэтич. системы басенного жанра. Персонажи окружаются повседневной житейской обстановкой, мотивирующей их поведение и психологию. Благодаря этому басенный рассказ выходит за рамки чистой аллегории, обрывает точными деталями, обретает форму драматич. сценки. В значит. части крыловских басен аллегоризм и дидактизм подчиняют себе элементы нового качества. Совсем иной склад получает образная структура тех басен, где связь рассказа и «морали» становится свободной. В баснях этого типа худож. конкретность перерастает в такую способность восприятия и оценки изображаемого, к-рая уже принципиально не «вмещается» в границы метафизич. схем. Впрочем, заточка новой эстетики и здесь еще не дано развернуться в универсальную форму реалистич. мышления. Вместе с тем именно худож. завоевания Крылова подготавливают почву для более широкого преодоления рационалистич. схематизма.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» (1823) психологич. и бытовая конкретность, характеристичность языка, житейская колоритность сюжетных эпизодов приобретают решающее значение. Исходную «посылку» комедии составляет типичный для просветит. сатиры обличит. прием — столкновение нормы разумного миропонимания с реальностью обществ. нравов, основанных на предрассудках и потому насквозь абсурдных. Этот принцип сблизает «Горе от ума» с идеологией декабризма. Однако «предрассудки» выступают в комедии не системой ложных понятий, возникших вследствие неразумия или неведения, а живой и объективной силой повседневного быта. На противоположном полюсе быту противостоят уже не отвлеченная схема истины, а по-настоящему объективная сила передовых идей, понятий конкретно-исторически — как особая разновидность нравов эпохи. Подобное переосмысление традиц. категорий захватывает у Грибоедова и драматургич. конфликт, представляющий объективным противоречием истории, и систему характеров, и структуру действия. Открываются многозначность и взаимопереходность человеческих качеств, противоречивая сложность жизненных ситуаций. Со всем этим связано усложнение жанровой природы пьесы, сочетание в ней черт комедии, сатиры и драмы, многоплановое построение сюжета, появление в нек-рых сценах психологич. динамики. Однако и здесь присутствует элемент рационалистич. «заданности». Объективный предел ранней стадии реализмич. исканий является и в «Горе от ума»: непременная связь этих исканий с сатирич. худож. целью делает невозможным окончат. отказ от установок нормативной эстетики. Очевидно, что в 1-й четв. 19 в. все «ответвления» лит. процесса обнаруживают черты переходности и характеризуются скрещением разнородных элементов. Тенденция романтич. и реалистич. мышления сосуществуют с традициями рационалистич. культуры 18 в.

Не укладывается в рамки к.-л. узкого периода творчества А. С. Пушкина (1799—1837). Его лицейская, послелицейская и «южная» лирика вбирает в себя гл. эстетич. завоевания всех совр. поэтич. школ. Но Пушкин преобразует усвоенные традиции, слагая их

в целостном единстве неповторимо индивидуального миропонимания. Молодой поэт продвигается по пути к романтизму дальше своих современников. Однако эволюция Пушкина от «Руслана и Людмилы» (1820) к «Цыганам» (1824) свидетельствует, что романтизм не становится основой его худож. системы: Пушкин идет самостоят. путем, быстро преодолевая односторонность всех имеющих решения. Логика пушкинского миропонимания позволяет в каждом из аспектов человеческой жизни (не минуя и самых трагических) обнаруживать источник радости или утешения. Отсюда — неповторимая пушкинская способность совмещать все жизненные ценности, ни одну из них не абсолютизируя. У Пушкина все они дополняют и уравновешивают друг друга, создавая в душе ту самую гармонию, о к-рой тщетно мечтают поэты-элегички. Преображаются в творчестве поэта и современные ему концепции гражд. радикализма. В ранних стихах вольнолюбивые мотивы, близкие к декабрист. поэзии, проникнуты ярко выраженным личностным пафосом. В нач. 20-х гг. вольнолюбивый пафос Пушкина сближается с байронич. бунтарством, но вскоре намечается своеобразная «деромантизация» морально-философ. кодекса байронизма. Пушкин приходит к пониманию всемогущества объективных законов истории и начинает поиски предпосылок обществ. справедливости в самом неизбежном ходе истории, процессах. В «Борисе Годунове» (1825) эти поиски принимают форму драматургич. исследования «судьбы человеческой» и «судьбы народной», обнаруживая и в той и в другой власти высшей и в основе своей разумной целесообразности. Пути пушкинской мысли приводят к соединению идеала и действительности, что означает выход к новым горизонтам иск-ва за грань переходных форм.

Специфическое для пушкинского реализма отношение иск-ва к действительности приобретает всеобъемлющий характер в романе «Евгений Онегин» (1823—31). В течение 30-х гг. оно утверждается в пушкинской лирике, драматургии и прозе. Оформляется худож. мышление, способное находить в обыкновенных вещах источник красоты и потому открытое всем сторонам действительности. Совершается обновление лит. языка: пушкинское слово преодолевает самодовлеющую условность и замкнутость традиц. «устойчивых стилей», вбирает существенные элементы нар. речи, обретает прямую связь с жизненной реальностью. Устанавливается принципиальная «разность» между авторским сознанием и предметом изображения. Утверждается новый принцип повествования, отграничивающий автора от героев и тем самым их объективирующий. Вместе с тем реалистич. поэзия Пушкина включает сознание внутр. свободы творчества и его духовной власти над жизнью. Именно это сознание определяет устремленность пушкинского творчества навстречу всему живущему, его непринужденный, почти интимный контакт с природой, историей, нар. стихией. Органич. народность, ощущение конгенальности собственного и общенац. самосознания позволяют Пушкину включать в свою худож. систему целые культуры, так что весь духовный опыт человечества становится внутр. достоянием этой системы. Такое накопление ценностей, в свою очередь, предельно укрупняет масштаб и проблематику пушкинского мышления: Пушкин стремится уяснить специфику и всемирно-историч. смысл рус. нац. развития, ищет «русские» ответы на общечеловеческие вопросы. Этой цели служат худож. осмысление осн. обществ. систем, типов цивилизаций, принципов, на к-рых зиждется жизнь народов. Характерно, что для зап. материала осн. формой оказывается драма («маленькие трагедии», сцены, драматич. поэма), а для русского — эпич. поэма («Полтава», 1828; «Медный всадник», 1833) или прозаич. повесть, отмеченная чертами «дороманного» эпоса («Повести Белкина», 1830; «Капитанская дочка», 1836, и др.).

Оси, принципом худож. мышления Пушкина становится соотношение различных элементов нац. или мировой культуры. Его кульминац. выражение — структура пушкинской повести, где совершается тончайшая и часто иронич. взаимопроверка сказочных и новеллистических, новеллистических и легендарных, хроникальных и романтических конвенций, мотивов, сюжетных схем. Необязательно расширяется диапазон лирич. поэзии Пушкина. Его лирич. мышление обретает новое качество: возникает уникальное по своей органичности соединение историзма и автобиографичности, эпич. тона и откровенно личного характера авторского образа.

Совр. состояние мира представляется Пушкину дисгармоническим. Он видит раздробленность человека, односторонность его развития, его душевную жизнь и сознания. Пушкину открываются разобщенность людей и народов, трагич. противоречия истории, сталкивающие в неразрешимых конфликтах гос-во и личность, нар. стихию и деспотизм власти. Но сознание всего этого неотделимо в пушкинском мышлении от утверждения идеала иной жизни — единой, целостной, для всех справедливой, человечной и гармонически слаженной. Причем в самой же объективной действительности находится для такого идеала целая система обоснований: он обоснован сознанием единства истории и культуры человечества, сознанием неисчерпаемости нац. истории, тающей в себе возможность разрешения любых мучит. проблем. Идеал опирается на открытие в нар. сознании нравств. ценностей, способных явиться основой социальной гармонии. Наконец, идеал поддерживается уверенностью в том, что духовная жизнь независимой личности уже сейчас может быть гармоничной.

Эстетич. слаженность, «соразмерность и сообразность» пушкинского *стиха* вырастает из объективного воссоздания жизненной правды, как бы выявляя предпосылки гармонии, заложенные в самой действительности. Однако гармония оказывается возможной лишь на основе определенных ограничений. Пушкинская худож. система объединяет ценности самые разнородные, но объединяет их иерархически — указывая каждой ее «настоящее место».

В период 1826—41 развитие Р. л. протекает в исключительно трудных условиях. Одним из принципов правительств. политики становится подавление передовой культуры. Лит-ра лишена широкой обществ. поддержки. Приобретает известное влияние охранит. лит-ра, поддерживаемая властями. Она представлена правописат. романами Ф. В. Булгарина (1789—1859), вульгарно-романтической драматургией и прозой Н. В. Кукольника (1809—68), авантюризм романом Н. И. Греча (1787—1867). Влияние консервативных идей сказывается в историч. романах М. Н. Загоскина (1789—1852.) Получает распространение поэзия В. Г. Бенедиктова (1807—73), к-рую В. Г. Белинский назвал «поэзией средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга» (Поли. собр. соч., т. 6, 1955, с. 494). Но именно в эти годы Р. л. приобретает особое социальное значение, в такой степени не свойственное ни одной из зап.-европ. литератур. В условиях николаевского «безвременья» лит-ра оказывается осн. формой обществ. сознания, средоточием здоровых сил нации. Утрата ближайшей перспективы прогресса, сознание бессилия передового меньшинства оборачивается не пессимизмом, а изживанием иллюзий и напряженными поисками путей преобразования жизни. Этой объективной необходимостью определяются гл. направления лит. процесса.

Все это происходит в атмосфере напряженных философ. исканий. Разработка идеалистич. диалектики, начатая еще *Обществом любителей* (1823—25), получает развитие в деятельности кружка Н. В. Станкевича (1813—40). Новое поколение передовой интеллигенции рассматривает проблемы личности и общества в мас-

штабе мироздания и в прямой связи с онтологическими вопросами. Основу составляют системы немецкого классицизма, идеализма, но их изучение оборачивается самобытным критич. осмыслением совр. рус. действительности и мирового историч. процесса. Умственные искания увенчиваются построением новых нравств. и социальных идеалов. Новые формы политич. оппозиционности получают философ. направленность (характерен в этом отношении юношеский кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева). Складывается общий для эпохи тип миропонимания, основанный на сознании объективности прогресса, соединивший идею детерминизма с принципом свободы воли, открывший диалектику «добра» и «зла». Тем самым создается опора для новой эстетики. В это время и оформляются как целостные худож. системы рус. романтизм и рус. реализм.

Влиятельной силой является романтич. поэзия, развитие к-рой идет по неск. путям. В новых условиях сознание крупнейших рус. лириков уже неспособно мириться с компромиссными решениями, на к-рых основаны концепции элегиков. В поздней лирике Баратынского обнаруживается понимание ложности самого идеала благообразного устройства душевной жизни. Свобода и счастье, обретаемые ценой умеренности, отвергаются как иллюзорные. Так оформляется предпосылка романтич. концепции личности: индивидуальное сознание дерзает осмыслить всю глубину противоречий бытия и духа, не ища примирения с ними и не пытаясь от них уйти. Универсальный охват этих противоречий осуществляется в лирике Ф. И. Тютчева (1803—73). В 30—40-е гг. поэзия Тютчева проникнута сознанием обособленности и внутр. раздвоенности человеческого «я». Однако поэт находит всеобщие связи, позволяющие преодолеть индивидуализм «изнутри» и тем разомкнуть трагич. ситуацию. Грандиозные пантеистич. концепции «мировой души», «космоса» и «хаоса», «дневного» и «ночного» бытия стягиваются у Тютчева к проблеме личности и служат чисто романтич. ее решению. Драма раздвоенности личности получает вселенский смысл, и вся внутр. жизнь человека предстает ареной борьбы мировых сил. Тем самым личность возвышается до уровня «божеско-всемирного». Тютчевская концепция человека несет в себе важное философско-поэтич. завоевание: находя опоры в сопричастности абсолютным началам, романтич. личность обретает объективное обоснование собственной ценности. Это новое качество дает поэтич. мысли Тютчева право на поиски независимых путей. При этом индивидуальное видение мира не получает от поэта программно-выражения: он отправляется от традиц. одической стилистики, индивидуализируя ее неожиданными сдвигами. В то же время в его лирике складывается единый индивидуальный смысловой строй, к-рый создается внутр. единством авторской мысли и опирается на постоянные ключевые образы, строящие самобытный лирич. мир.

Другим направлением развития романтизма оказывается философское и эстетич. переосмысление традиций гражд. поэзии. Контуры этого направления обозначаются уже в лирике А. И. Полежаева (1804—38), соединившей в целостном комплексе пафос бунтарского протеста и безысходного трагич. мироощущения. К этому направлению примыкает творчество уделенных поэтов-декабристов и прежде всего поэзия А. И. Одоевского (1802—39), чье дарование раскрылось именно в последекабрьское десятилетие.

Наиболее принципиальное выражение получает это направление в лирике М. Ю. Лермонтова (1814—41), эстетически преломившей в себе всю сложность обществ. жизни и всю противоречивую проблематику рус. культуры своего времени. В ранней лирике Лермонтова (1828—35) личность мыслится суверенной и самоценной, а система общезначимых ценностей объективного

порядка находится в метафизич. глубине ее собственного бытия и духа. Это все те же традиц. ценности элегич. и гражд. поэзии — любовь, дружба, «естественность», душевная цельность, обществ. и нравств. свобода, но только по-иному понятые, «очищенные» и возведенные в ранг абсолютных категорий. Такое решение проблемы несет в себе апофеоз личности, означающий одновременное утверждение ее автономии и ее божественного достоинства. Являясь единств. средоточием ценностей и субстанциональных начал, лирическое «я» не может совмещаться с к.-л. формами заданной стилистики. Формируется внежанровая структура лирич. стихотворения и единый поэтич. язык, экспрессивный и метафоричный. Поэтич. система организуется образом лирич. героя.

Новая концепция личности порождает новые требования к ней и к миру. Рождается безграничный максимализм, к-рый не раз приводит поэта к «мировой скорби», одновременно оборачиваясь жаждой абсолютной гармонии и полного преобразования существующего миропорядка. Здесь источник новой, романтической, революционности и гражданственности, вобравший мотивы мятежного байронизма, но претворивший их в иное качество. Сознание фатальной неосуществимости идеала и вместе с тем принципиальная невозможность отступить от него — вот основы этой разновидности романтич. протеста. Романтич. героизм юного Лермонтова таит возможность самоудовлетворения: противоборство року представляется своеобразной формой обретения полноты бытия. Но столь же закономерен и другой поворот: романтич. героизм может принимать форму демонизма, выражаясь в мизантропии и все-разлагающем скепсисе. Исходные коллизии романтич. системы Лермонтова не снимаются ее развитием, а, напротив, максимально углубляются. Неустрашимая разорванность сознания проявляет себя в небывалой интенсивности лирич. эмоций и напряженном самоанализе. Именно у Лермонтова лирика проникается пристальным вниманием к самому процессу внутр. жизни и становится поэтич. выражением «диалектики души».

Отличный от пушкинского вариант реализма заключает в себе зрелое творчество Лермонтова. Здесь, начиная с 1836—37, наряду с устойчивой романтич. традицией усиливаются тенденции реалистич. порядка. Но их развитие не побуждает поэта к отказу от романтич. идеала, оно даже укрепляет приверженность к нему, т. к. реалистич. освоение мира в конце концов дает Лермонтову возможность по-новому обосновать выдвигаемую им норму совершенства. Поэт начинает «отделять» от себя трагич. коллизии своей лирики, превращая их в предмет объективного изображения. Выражением этой тенденции становится процесс возрастающей объективации лирического «я», выходящий за пределы романтич. эстетики. Эта тенденция получает высшее выражение в прозе — в романе «Герой нашего времени» (1840). Именно здесь наиболее полно объективируется образ «лермонтовского человека», внутренне родственный лирич. герою стихотворений. Получив объективный смысл, противоречия субъективного сознания оказываются реальной опорой для идеала абсолютного совершенства личности и абсолютного соответствия мира ее высшим нравств. критериям. Драма Печорина обнаруживает, что для него невозможно удовлетворение любым ограниченным нравственным решением. Ни традиц. сословная мораль, ни жертвенный альтруизм, ни «демонический» эгоцентризм, принципы к-рого Печорин исповедует, не могут стать для него основой счастья и веры в достоинство человека. Вместе с тем общий контекст романа открывает объективно-историч. предопределенность и плодотворность этой драмы. В таком освещении она приобретает смысл необходимого духовного

кризиса, в к-ром рождается новая — иррационалистическая — нравственность и новый — неметафизический — гуманизм.

Н. В. Гоголь (1809—52) начинает утверждением романтич. мечты о прекрасном и справедливом мире, дерзко противопоставляя ее реальной действительности, где человек — «раб» («Вечера на хуторе близ Диканьки», 1831—32). В прозе и драматургии 1832—41 Гоголь сталкивает провозглашаемую им мечту с реальностью совр. обществ. жизни. Намечаются неск. различных подходов к этой реальности. Главный из них — сатирический, основа к-рого — принцип разоблачит. острашения, варьируемый в различных жанрах и стилевых формах (сатирич. повести сб-ков «Миргород» и «Арабески», 1835, «Нос» и «Ревизор», 1836). Все формы сатирич. исследования, дополняя друг друга, обнаруживают противоборство состояния общества. Выявляется полнейшая бездуховность его офиц. и бытовой жизни.

Реалистич. понимание ненормальности совр. жизни в корне изменяет характер гоголевского идеала. Идеал противопоставляется реальности уже не как мечта, а как обязательная жизненная норма, подлежащая осуществлению («Тарас Бульба», 1835—42). Не ограничиваясь этим, Гоголь обнаруживает живую силу высокого и прекрасного в глубинах души искаженного современностью пошлого «существователя» («Старосветские помещики», 1835). Все эти худож. открытия определяют тяготение к эпической поэтике и прежде всего к собирательным образам, поглотившим и заместившим у Гоголя образы индивидуализированные. Существенна и последоват. разработка сферич. построения произведения, выдвигающая в качестве его основы не сюжетную дедукцию, а концентрич. группировку образов, единая суть к-рых выявляется в некоем «фокусе» — событии или фигуре гл. действующего лица. Наконец, в творчестве Гоголя намечается стремление утвердить эпич. решение проблемы автора — построить образ существователя, выступающего от имени целостного единства нации.

Эти тенденции сливаются в стройную систему в романе-поэме «Мертвые души» (т. 1, 1842). Гоголь строит ее как эпос, аналогичный эпосу классическому. В поэме проступают черты эпич. миропонимания, новаторски углубленного и помноженного на целый комплекс достижений совр. лит-ры. Очевидна и эпич. худож. цель — утверждение всеобъемлющего идеала жизнеустройства, выдвигаемого как идеал общенародный. Но идеал этот утверждается в форме, далекой от гармонии классицизма: он входит в поэму лишь как определ. ракурс восприятия изображаемого. Идеальные критерии найденной нормы дают Гоголю возможность обнажить противоборственность господствующих в России обществ. форм. В то же время с высоты всенародного социально-нравств. идеала становится видимой перспектива духовного обновления «оскотинившихся» людей. Эта перспектива, прозреваемая Гоголем в самой природе рус. нац. характера, открывается на пределе сатирического анатомирования действительности: «...бывает время, когда великая иная устремилась общество... к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости» (Гоголь Н. В., Поли. собр. соч., т. 8, М., 1952, с. 298). Гоголю ясна пагубность неограниченных сословных привилегий, отделения гос-ва от народа, власти денег. Но для него не существует социальных сил, противопоставленных людям как некая чуждая им внешняя данность. В глазах Гоголя общество без остатка сводится к людям, и от их человеческих качеств и нравств. принципов всецело зависит обществ. устройство. Поэтому вера в нравств. преобразование «существователей» оборачивается идеей немедленного «исправления» общества. Идея «исправления» определяет проповедническую тенденциозность гоголевской поэмы, эта же идея — в соеди-

нении с концепцией надклассового братства всех сословий рус. нации — оказывается в дальнейшем источником реакц. утопии. Возможность такой эволюции отметил Белинский в полемике со славянофилами в связи с их толкованием эпич. характера гоголевской поэмы.

В лит. процессе 1826—41 реализм и романтизм нередко противостоят друг другу как идейно-эстетич. полярности, однако специфика эпохи такова, что в ее пределах оба «антипода» связаны общей задачей. Речь идет о преодолении концепций, опирающихся на методологич. просветит. рационализма. Этим объясняется сосуществование обоих методов в творчестве одних и тех же писателей, относительность граней между романтич. и реалистич. линиями развития, обилие промежуточных форм.

Одной из таких промежуточных форм является поэзия А. В. Кольцова (1809—42), ответившая потребности обоих направлений в лирич. воплощении нар. жизни и нар. мировосприятия. Продолжая линию, восходящую к «русским идилиям» Гнедича и Дельвига, Кольцов поэтизирует крестьянина и обстановку его труда и будничного быта, впервые воссозданных вполне конкретно. При этом поэт открывает рус. лирике новую для нее сторону действительности — мир внутр. переживаний, реальных забот и поэзию крестьянского труда. Но претворение житейского явления в эстетич. факт возможно для Кольцова лишь в опоре на стилистику, освещенную авторитетом традиционности. Такой опорой оказываются традиции фольклора.

Многообразны взаимоотношения двух направлений в развитии прозы. Явным преобладанием романтич. черт характеризуется проза Н. А. Полевого (1796—1846) и А. А. Бестужева-Марлинского. Повести Бестужева намечают особый вариант романтич. героя — идеальный образ рыцарски благородной личности, наделенной «титаническими» страстями, непоколебимой в своем одиноком противостоянии злу. «Варыное» сюжетное построение бестужевской поэмы, ее приподнято-аффектированный слог, концентрация условно-историч. и этнографич. экзотики — все это служит апологом героя и выражает этич. пафос романтизма, в этой разновидности созвучный принципам декабрист. лит-ры. А. Ф. Вельтман (1800—70) строит повествование как непрерывную стилизованную игру, захватывающую все уровни структуры произведения. Сущность этой игры заключается в столкновении или «оборотническом» взаимозамещении реальности и фантастики, архаики и современности, авантюриности и бытовизма. Такая игра может получать самый различный смысл, в одних ситуациях реализуя какой-то из вариантов романтич. двоемирия, в других — формируя предпосылки реалистич. социального романа. Силетение романтич. и реалистич. тенденций отличает повесть М. П. Погодина (1800—75), прозу А. Погорельского (А. А. Перовского, 1787—1836) и историч. романы И. И. Лажечникова (1792—1869), укрепившие позиции историч. жанра мастерским воссозданием бытового колорита минувших эпох. В повестях Н. Ф. Павлова (1803—64) и В. А. Соллогуба (1813—1882) реалистич. тенденции доминируют, поглощая, как правило, романтич. мотивы.

В 1842—55 Р. л. развивалась в атмосфере обострившейся обществ. борьбы, напряженных идеологич. споров между славянофилами и западниками (см. *Славянофильство, Западничество*), быстрого созревания революц. демократич. мысли, питаемой идеями антропологич. материализма и утопич. социализма. Эти идеи находят выражение в публицистике А. И. Герцена (1812—70), в эстетике и философии петрашевцев (см. *Петрашевцы* и русская литература), наконец, в письме Белинского к Гоголю (1847), излагающем программу-минимум рус. революц. демократии. Особенно значительна роль про-

грессивных журналов: в 1839—46 — «Отечественных записок», позднее — «Современника», вокруг к-рых сосредоточены лучшие лит. силы. В 40-е гг. происходит усложнение социального пафоса лит-ры, резко изменяющее сложившееся в 30-е гг. соотношение лит. направлений. В эти годы романтизм остается еще живым и влият. направлением, способным активно откликаться на потребности эпохи и совершать выдающиеся худож. открытия. Примером подобных сдвигов является книга В. Ф. Одоевского (1803—69) «Русские ночи» (1844). Романтич. разочарование оказывается здесь предпосылкой самобытной формы философ. универсализма, содержащего качества научного и худож. мышления. Содержанием произв. становится испытание важнейших направлений мировой философ. мысли, новеллистич. цикла, превращается в драму идей. Явственно выступают черты новаторства и в лирике А. А. Фета (1820—92), представляющей наиболее значит. явление в романтич. поэзии 40-х гг. И все же прогресс романтич. лит-ры уже не является вполне самостоятельным; ее эстетич. система перестраивается под воздействием реалистич. сознания. Магистральную линию худож. прогресса составляет развитие реализма.

В эти годы проявляется небывалое влияние критико-эстетич. мысли, вступающей с 40-х гг. в принципиально новые взаимоотношения с лит. практикой. Эстетич. полемика и критич. выступления играют заметную роль в лит-ре 1-й четв. 19 в. В конце 20-х и в 30-е гг. существенно значение критич. деятельности романтика Н. А. Полевого, выступавшего в журн. «Московский телеграф», и теоретич. построений философ. критики: В. Ф. Одоевского, И. В. Киреевский (1806—56), Н. И. Надеждин (1804—56); в 40-е гг. — статей К. С. Аксакова (1817—60) и близкого к петрашевцам В. Н. Майкова (1823—47). Но своего расцвета рус. критич. мысль достигает в творчестве В. Г. Белинского (1811—48), именно в 40-е гг. переживающего пору высшего подъема. Белинский выдвигает новые принципы критич. оценки лит. деятельности писателя; он требует проникновения в худож. мир автора, понимания внутр. единства его идей и образов, рассмотрения его творчества в отношении к обществ. жизни и развитию культуры. Опираясь на эти принципы, Белинский открыл рус. читателям масштабы и худож. смысл творчества Пушкина, Гоголя, Лермонтова, выявил значение позднейших лит. явлений. В процессе практич. работы критика складывается цельная система эстетич. идей, к-рая содержит теоретич. обоснование путей Р. л. Белинский развивает реалистич. понимание сущности иск-ва, усматривая ее в особом восприятии действительности, отличном от логич. познания. Отличие это заключается в специфич. форме образного мышления, к-рую Белинский стремится осветить учением о типизации. Эстетика Белинского проникнута историзмом, стремлением к определению общих закономерностей лит. процесса, связанных с условиями обществ. развития. В статьях и обзорах критика разворачивается стройная концепция реализма и народности лит-ры, поставленных в связь с ее демократизацией. Эта концепция предполагает активное отношение лит-ры к социальным противоречиям и проблемам. Белинский создает новый тип критики, не только стремящейся к объективной оценке фактов, но и властно руководящей обществ. мнением и самим лит. процессом.

Воздействие эстетики Белинского сказывается в творч. практике писателей *натуральной школы*. Этот полемический по своему происхождению термин охватывает целый этап развития рус. реализма. Понятие «натуральная школа» объединяет писателей разных мировоззрений и несходных творч. манер. Сближает их именно влияние Белинского, придавшего худож. открытиям Пушкина, Лермонтова и Гоголя заостренный социально-критич. смысл.

Написанные в 1842—55 прозаич. произведения В. И. Даля (1801—72), Д. В. Григоровича (1822—99), И. А. Гончарова (1812—91), И. С. Тургенева (1818—83), Ф. М. Достоевского (1821—81), А. Ф. Писемского (1821—1881), Герцена объединяет интерес к окружающей человеческой обществ. среде, впервые понятой как всецело объективная и отчужденная от человека сила. В первичном для натуральной школы жанре физиологич. очерка среда ограничена сословными, бытовыми, профессиональными рамками. В новеллистич. циклах, повестях и романах — «Бедные люди» Достоевского (1846), «Кто виноват?» Герцена (1846—47), «Обыкновенная история» Гончарова (1847), «Записки охотника» Тургенева (1847—52) и др. — среда мыслится как строй обществ. жизни в целом. Ключевой идеей натуральной школы становится мысль о неизбежном подчинении личности объективным условиям среды, об определяющем воздействии этих условий на характер и судьбу человека. Мысль эта позволяет возложить на объективные условия обществ. жизни всю полноту ответственности за существующее в мире зло. Добрые начала, напротив, воздействию среды не поддаются. Среде противопоставляется мелоческая природа персонажей, в исконной сущности своей здоровая и непорочная. Так оформляется эстетич. вариант характерного для эпохи антропологизма. Этот акцент наиболее силён в романе Герцена «Кто виноват?», где анализ личных драм приводит к философски обоснованной и политически заостренной форме социальной критики.

В процессе эволюции натуральной школы представление о взаимодействии человека и среды претерпевает существенные изменения. Антропологич. подход требует углубленного психологич. исследования сущности человека. Но результаты такого исследования (в ранних романах и повестях Достоевского, прежде всего) ведут к опровержению исходного тезиса, обнаруживая в самой мелоческой природе глубинные противоречия, несводимые к «искажающему» влиянию внешних обстоятельств. Расширяется эстетич. кругозор натуральной школы, усложняется ее поэтика. Появляется возможность перемещать исходную точку критики от личности к миру и наоборот, что позволяет подвергнуть диалектич. осмыслению различные стороны обществ. жизни и личного самосознания.

Новый этап критич. реализма ощутим не только в прозе. Его особенности проявляются и в новом типе бытовой комедии. Эта жанровая форма складывается в равном творчестве А. Н. Островского (1823—86). Принципиально новая стадия развития реалистич. лирики намечена ранней поэзией Н. А. Некрасова (1821—1877). Она вовлекает в сферу эстетически значительного новый круг фольклорных мотивов и стихию гор. просторечия, открывает трагич. потенциал в жизни совр. города, смело использует драматич. и фабульные элементы. Многообразие реалистич. исканий подготавливает грандиозные синтетич. построения рус. реализма 2-й пол. 19 в. В. М. Маркович.

Русская литература 2-й пол. 19 в. Со смертью Николая I (1855) кончилась 30-летняя эпоха в истории России, начавшаяся казнью декабристов и завершившаяся Крымской войной. Поражение в Крымской войне (1853—56) показало историю. обреченность феодально-крепостнич. системы самодержавной России. Но даже отмена крепостного права (1861) не разрешила обнажившихся противоречий. В стране возникла революц. ситуация (1859—61). «Колокол» Герцена (1857—67) «...развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“» (Ленин и В. И., Полн. собр. соч., 5 изд., т. 21, с. 261). С началом второго этапа революц.-освободит. движения качественно новый характер при-

обрела и Р. л. Она принесла с собой не только новые темы и идеи, вызванные к жизни пореформенной эпохой, но и значительно раздвинула границы реализма, создав его новые худож. формы в прозе, драматургии и поэзии. Особенности характера новой лит. эпохи сказались уже в 60-е гг.: Р. л. теснейшим образом оказалась связана прежде всего с конкретными общественно-политич. проблемами, борьбой партий и попытками создания разнообразных социально-политич., философ. и социально-этич. концепций, возникающих на основе беспристрастного анализа действительности, нередко органически входящих в худож. ткань произведений и служащих как бы своеобразным инструментом этого анализа. Революц. демократы во главе с Н. Г. Чернышевским (1828—89) стали политически решающей силой. С именем Чернышевского связано последоват. обоснование новой эстетич. системы. Рассматривая лит-ру как важнейший фактор обществ. воздействия и последовательно выступая за ее демократизацию, Чернышевский сформулировал осн. принципы революц. материалистич. эстетики. В дисс. «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) он выступил против гл. тезисов эстетич. идеализма, к-рый на рус. почве явился философ. обоснованием т. н. теории «чистого искусства». В «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855—56) и серии статей о совр. лит-ре конкретно выразил эстетич. взгляды Чернышевского. Появляются статьи Н. А. Добролюбова (1836—61), давшего образцы «реальной критики», к-рая имела целью истолкование изображенных лит-рой явлений жизни с т. з. идей революц. демократии. Критич. деятельность Чернышевского и Добролюбова, фактически руководивших редакцией журн. «Современник», была направлена против реакции и либерализма в лит-ре и политике. В редакции становится неизбежным размежевание, раскол. Из журнала ушли В. П. Боткина (1811—69), А. В. Дружинина (1824—64), Григорович, Тургенев, Л. Н. Толстой (1828—1910). Их место на страницах журн. заняли молодые писатели «шестидесятники»: Н. В. Успенский (1837—89), Ф. М. Решетников (1841—71), В. А. Слепцов (1836—78), Н. Г. Помяловский (1835—63), А. И. Левитов (1835—77), М. А. Боронов (1840—73) и др. Выходяцы преим. из среды разночинцев, эти писатели внесли в Р. л. новые темы и идеи. Их осн. жанром стал очерк — социальное исследование нар. жизни и быта, призванное рассказать трезвую правду о народе. Невежество, темнота, «политическая невоспитанность» крестьянства могли быть сущест. тормозом в развитии рус. революции. Первое слово об этих чертах нар. жизни было сказано молодыми «шестидесятниками». Особое значение приобрел цикл М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826—89) «Губернские очерки» (1856—57), в к-рых отд. эпизоды сложились в широкую социальную картину рус. жизни, свидетельствующую о неизбежности скорых перемен. Все очерки пронизаны единой идеей: виноват не отдельный человек, а совокупность общественно-историч. обстоятельств. Очерк с его пристальным вниманием к факту позволял быстро откликаться на насущные потребности дня; объединенные в цикл с единой идеей, очерки Щедрина становились произведением качественно иным. Между очерками, фактами, в них изображенными, устанавливалась внутр. связь, что придавало циклу масштабность и глубину обобщения. «Губернские очерки» противостояли т. н. «обличительной» лит-ре, возникшей сразу после 1856, представленной произведениями А. А. Потехина (1829—1908), В. А. Соллогуба, В. Г. Бенедиктова (1807—73), М. П. Розенгейма (1820—87), П. И. Мельникова-Пестерского (1818—83), позднее ставшего талантливым бытописателем рус. раскола. Все они были направлены не против самого строя жизни, а против отд. нарушений закона, недобросовестной администрации и т. п.